

Валерий Писигин

Выступление на представлении книги В.Ф.Кашковой
«Голоса из тревожного детства»

Дорогие новоторы!

Позвольте сначала процитировать несколько фраз из своей ещё не изданной книги:

«Мы обычно чтим тех, кто обгоняет время, торопливо награждая их эпитетами “великий” или “гениальный”, между тем всякое высокое искусство – это поиск и сохранение ушедшего времени. В слове ли, в камне, красках или звуках — художник, повинувшись Откровению, фиксирует, казалось, навсегда утраченные мгновения и затем оставляет их нам, смертным, не способным не только оглядываться на прошлое, но даже и останавливаться. Влекомые шумным и мутным потоком, кем-то названным “жизнью человечества”, мы бездумно барахтаемся в нем, глядя только вперед, в ту сторону, куда нас несет, и жадно прислушиваемся лишь к тем, кто самонадеянно берется предсказать, предусмотреть, предвидеть, предположить... в то время как будущее принадлежит не нам, но одному только Богу! Нам же отдано лишь прошлое, с печальными курганами трагедий и драм, могилами родных и близких, воспоминаниями о днях молодости и теми утраченными мгновениями, которые остановлены великими мастерами искусства, сохранены ими и оставлены нам в утешение...»

Все книги Валентины Федоровны Кашковой обращены в прошлое, точнее – к девятнадцатому веку, золотому веку русской литературы и ее незаходящему солнцу – А.С.Пушкину. И для себя, и для нас, её читателей, Кашкова находила в том времени утешение от того, что принято называть «трудностями жизни», но в действительности Валентина Федоровна не касалась века двадцатого по той причине, что внутри её всегда кровоточила рана, нанесенная войной. Рана незаживающая, бередящая сознание, туманящая память и словно приговаривающая: «Нет, не спрячешься от пережитого, даже за спиной Пушкина, и, рано ли, поздно ли, ты обязательно обратишься к своему прошлому». И когда Валентина Федоровна совершала ред-

кие выезды к окраинам своего родного города, когда взору открывались пути-дороги, ведущие из Торжка, — в её сознание сразу же вторгалась Память о войне.

Так, однажды, по дороге в Вышний Волочёк, Валентина Федоровна стала рассказывать о том, что видела, слышала и что пережила, будучи восьмилетней девочкой. Ветхий деревянный дом, придорожная деревня, старый колодец, лесной массив и уходящая к нему проселочная дорога, дым от печного отопления, лай собаки, воронье карканье — все напоминало о войне и тотчас обрастало живыми воспоминаниями с персонажами и героями... Помнились имена, лица, слова, звуки и запахи, помнился быт — и тот, что сломала война, и тот, что она, война, принесла с собой...

И тогда я останавливал рассказ и говорил: «Пишите! Кто же скажет о прошлом, кроме вас? Пройдет ещё десять лет — и рассказывать попросту будет некому. В памяти останется лишь то, что запечатлено в слове».

«Я не смогу, не осилю, не переживу...» — отвечала Валентина Федоровна...

Это было в июне 2001 года, а уже в августе она приступила к работе над воспоминаниями. Куда спрячешься от Памяти, от долга перед нею? И, кто знает, не Пушкин ли её берег все эти годы, лечил душу и спасал сердце, чтобы к восьмому десятку Кашкова, отслужившая русской литературе и русской культуре полвека, взялась за свой самый тяжкий труд — книгу о прифронтовом Торжке?

Но и в этой книге Пушкин не стоял в стороне, потому что на фронте решалась и его, Александра Сергеевича, судьба. Ведь никому в целом мире, кроме нас, русских, Пушкин не понятен, а значит — никому, кроме нас, не нужен. Не будет Англии, но Шекспир останется, как останутся Гёте без Германии, Сервантес без Испании, Гюго без Франции... Да и Толстой, и Достоевский сохранятся без России. Останутся и сами, и их герои, и их трагедии, которые суть герои мировые, планетарные, общечеловеческие, которых мы, человечество, знаем, чтим, любим.

Но кому, кроме нас, русских, нужен столичный повеса Онегин с его провинциальными романами, беспричинными дуэлями и мелкими переживаниями ленивого обывателя? Кому, кроме нас, русских, он понятен и близок? Кому милы великовозрастные провинциальные барышни с их забавными чаяниями и невинными надеждами, коротающие дни и ночи в глуши дворянских усадеб? Кому, кроме нас, русских, дорога лирика с ветхими калитками, обрушенными заборами, запущенными садами и огородами, которых уже нигде, кроме как у нас в России, нет?..

Пожалуй, никому! Потому что во всем мире поваленные заборы и хаты – это никчемная рухлядь и хлам, и только у нас, в России, это лучшая и любимая часть родины, вот уже много веков исчезающей и уходящей в прошлое. Вот почему Пушкин без России – непременно умрёт. Вот почему советские солдаты, защищая родных и близких, защищали еще и Пушкина. И оттого война, самая страшная и беспощадная, и Победа в этой войне напрямую связаны с судьбой Александра Сергеевича...

Много сказано о воспитательной роли книг. Вот и здесь говорят о том, что книгу Кашковой надо распространить по библиотекам и школам, чтобы она воспитывала новые поколения. Не станем обольщаться насчет влияния книг вообще и этой в частности на тех, кого надо воспитывать и перевоспитывать, и едва ли книга о войне устыдит какого-нибудь отпетого негодяя. Было бы иначе – мы бы, с нашей славной литературой, не были такими, какие есть. Оставим тех, кого надо перевоспитывать, «делать лучше», и обратимся к тем, кого перевоспитывать не надо, к тем, кто сам воспитывает и увещевает, кто культурен и порядочен, к тем, кто «хороший» и кто считает себя праведником. Как быть нам? За что держаться в этом обезличенном и шумном мире, который обступил нас насилием, ложью, хамством и бесстыдством и торжествует, почти не оставив нам тихих и блаженных углов?

Писатель и литературный критик Валентин Курбатов в послесловии к книге написал, что «книга хорошо укрепляет сердце по дороге Домой». Вот истинное назначение книг и всех прочих добрых дел и поступков! Нам важно укреплять сердца в ежечасно разлагающем окружающем пространстве, утверждаться в том, что мы не одиноки, что мы не оставлены, не покинуты и что, кроме нас, есть ещё такие же, как мы, и даже такие, кто лучше нас. В этом смысле книга Кашковой дает нам целый мир добра и его торжества над злом. Торжества не сказочного, а самого настоящего, подлинного, случившегося однажды на нашей земле.

9 мая, в годовщину Победы, с крыши дома я наблюдал праздничный салют над Москвой. Этот салют приветствовали тысячные, если не миллионные толпы, сосредоточившиеся в центре Москвы. И я подумал о том, что этот грандиозный фейерверк имеет прямое отношение к младенцу, родившемуся в конце позапрошлого века в австрийской провинции и названному Адольфом. И окажись этот Адольф сейчас перед этой многомиллионной перевозбужденной толпой, он мог бы, потирая руки, утверждать: «Все это празднование и торжество происходит благодаря победе надо мной, моим делом и идеями, которым я служил и которые никогда не умрут, потому что однажды эти идеи вырвались наружу и заявили о себе!»

И действительно, которая из идей, рожденных человечеством за его историю, умерла, исчезла, испарилась, канула?.. Исчезали цивилизации, империи и государства вместе с их основателями, с их богами и божками, в прах превращались могущественные династии и повелители, но идеи продолжают жить, обитая среди руин и развалин, толщи пепла и пыли, ожидая своего часа, чтобы вновь вырваться наружу и овладеть миром...

Это ужасно, но любую, даже самую человеконенавистническую идею можно уничтожить только с самим миром, со всем человечеством, то есть со всеми нами, включая самых хороших и праведных, потому что, если однажды человек был отравлен идеей, он уже не избавим от неё. Я говорю не о ком-то одном из нас, а о каждом, потому что в каждом, словно неизвлеченная заноза, сидит и та идея, которой первочеловек, прежде чем его изгнали из Эдема, был однажды отравлен. Вспомним, что и наш Спаситель говорил: «Один Бог благ»...

Во всех книжных магазинах европейских городов выставлены целые стеллажи с книгами, посвященными нацизму, его истории, возвышению и закату. Стоят на полках роскошные издания биографий главарей фашизма, их воспоминания или воспоминания о них; книгам о Гитлере – несть числа, и они неизменно пользуются спросом. Красочные фотоальбомы издаются и переиздаются, и их с вождением перелистывают посетители. А сколько документальных фильмов! Телеканалы без конца крутят эти фильмы в самое лучшее время, в так называемый «прайм-тайм»... Только не надо утверждать, будто книги и фильмы созданы, чтобы упреждать фашизм и показывать человечеству, сколь он опасен и во что обошелся. Всякий медиаменеджер скажет, что главное в выпуске всей этой продукции – её всевозрастающий спрос. Одно упоминание в титрах или названии имени Гитлера сделает фильм кассовым, а книгу – прибыльной.

То же касается литературы и фильмов о Сталине и его сподручных, которые без конца выходят в свет, разоблачают, раскрывают, развенчивают... Тем не менее опросы свидетельствуют, что у населения авторитет Сталина только возрастает, а интерес к этому типу увеличивается.

О чём это говорит?

О том, что все сталины и гитлеры сидят в каждом из нас, а в книгах и фильмах об этих тиранах мы узнаем себя, и чем ближе мы видим тиранов, тем смелее заглядываем в темные закоулки собственных вожделий и страстей, а заглянув, слышим в себе сладострастную сопричастность и даже жажду оказаться там и тогда, когда творилось мировое зло, в полной уверенности, что расстояние во

времени позволит нам удержаться по одну сторону колючей проволоки, как позволяет пробуждение стряхнуть с себя страх и трепет дурного сна... Не потому ли так любят артисты играть нацистов и сталинских палачей, а один выдающийся режиссер признавался, что лучшие роли у артистов – роли высоких нацистских начальников, да и сам не без удовольствия играл престарелого Сталина...

Так что вся эта многотиражная и прибыльная продукция, которой напичкан книжный рынок и телеэкраны, укрепления сердца не обеспечивает, скорее наоборот, будит опасные идеи, взывает их к жизни, соблазняет и искушает, – и не благодаря ли этому возрождается фашизм? Также не укрепляет сердце и помпезный фейерверк: точно такой же озарял бы столицу Рейха, если бы, не приведи Господь, победил в той войне нацизм...

Сколько в человеке должно быть веры, чтобы он был верующим?

«С горчичное зерно», — ответил на этот вопрос Спаситель.

Но чтобы быть человеконенавистником, фашистом и палачом, злой идеи достаточно столько же. И тогда ничтожного детонатора достаточно, чтобы сосед по лестничной клетке оборотился в чудовище, одноклассники – в сборище преследователей и доносителей, а нация Шиллера и Гете – в восторженную и бесчувственную толпу, вытянувшую руку к свастике и готовую отправить к праотцам весь остальной мир. Вот почему тайна возвышения фельдфебеля над Германией, а семинариста над Россией не в детальном изучении жизни тирана, а в проникновении в сознание соседа по лестничной клетке, то есть в проникновении в душу и сердце каждого из нас. В этом смысле жизнеописание первого встречного ценнее: в нем заключена тайна торжества зла или добра. Не потому ли главным и первым антифашистом считают Федора Достоевского?..

Вот несколько эпизодов, запечатленных в книге В.Ф.Кашковой.

13 октября 1941 года, десять часов утра. Это, вероятно, один из самых страшных дней в тысячелетней истории Торжка, который не грех отметить городским краеведам. В то утро десятки самолетов прицельно расстреливали беззащитный город, и тысячи жителей бросились бежать куда глаза глядят.

«Сначала мы растерялись. Куда бежать? В какую сторону? Думали, выскочи мы со двора – и тут же нас накроет взрывом... Через мгновение стало ясно, что уходить надо по оврагу, к которому спускался наш огород, — по нему уже бежали толпы людей.

Мама схватила меня за руку, и мы бросились вниз, к ручью. Зловещий шум пожара, взрывы, крики как будто тоже бежали за нами. Самолёты летали низко, кружили над бегущими, расстреливая их... Впервые я увидела убитых, взрослых и детей. Они лежали, уткнувшись лицом в землю. Смерть застала их на бегу. Люди перепрыгивали через них!.. Я не успевала испытывать ужас, только смотрела под ноги, чтобы не споткнуться и не упасть. “Ложитесь!” – кричали нам военные. Но люди словно обезумели – страшный бег продолжался...»

Где мощь «великого пролетарского государства» и где само это государство? Куда подевалась «непобедимая и легендарная» Красная Армия с её пресловутыми «ворошиловскими стрелками» и весёлыми экипажами боевых машин? Где все эти разудалые герои кинохроник, воспетые коммунистическими оракулами? А куда исчезла сама вдохновительница и организаторша всех побед – ВКП с многозначительной приставкой «б» и со своим обожествленным генсеком? В один миг исчезло государство, и остались люди – один на один со страшным, доселе невидимым зверем. И это было для народа ударом не меньшим, чем тот, что наносили по нему с воздуха.

Вечером того же дня:

«Голодные, продрогшие, мы добрались уже в сумерках до первой пригородной деревни Борисцево. В каждом доме набито битком, но принимали всех, кто бежал из Торжка. Нас приютили давние знакомые, Ботылёвы, обогрели, накормили, пытались как-то успокоить... Ночью вышли из дома и, стоя на пригорке возле каменного амбара, смотрели на город. Огромный костер, охватом в несколько километров, полыхал вдали. Небо было раскаленным, дым пожарища и запах гари ветром доносило до деревни. Мы стояли молча, страшась вопроса: “Что делать дальше?”»

Этот вопрос – «что делать дальше?» – мы задаем часто, бывает, и не раз за день. Но задумайтесь, какова пропасть между нашими ежедневными, пусть тягостными и неприятными, проблемами и тем чудовищным вопросом, который силились задать беззащитные люди, глядя на гигантское кострище, пожирающее их дом, город, страну... Да и задать этот вопрос было некому, а страшились его, потому что к вечеру того страшного дня знали точно: ответа не будет. Вот когда маленькая Валя вспоминала последние слова учи-

тельницы на последнем довоенном уроке: *«Жизнь теперь будет вашим самым главным учителем!»*

И, смотрите, каковы уроки этой жизни!

«Как только рассвело, двинулись в путь. Бабушка ехала в телеге, к которой была привязана корова. Мы с мамой шли следом. Только выехали в открытое поле, как из-за леса вынырнул немецкий самолет и сделал разворот над нами. Я испугалась и побежала по полю, покрытому тонкой пеленой снега. Мама кричала, а я со страху не могла разобрать, что она кричит мне. Подняв голову, увидела жёлто-полосатое брюхо самолёта, паучью свастику и в открытой кабине – голову летчика, в шлеме и в очках. Он смотрел на нас!.. Я метнулась в сторону, и вдруг надо мной чик-чик-чик, и снег впереди завихрился фонтанчиками... Тут мама сбила меня с ног и прижала к земле:

— Прижмись, прижмись, — шептала она, прикрывая рукой мою голову...

Нас было хорошо видно на снегу... Самолет сделал круг и вернулся. Засвистели пули...»

Эпизод войны... Мизерный, ничтожный, тысячи раз повторенный в самых разных уголках, а столь многозначительный, что может сказать о войне больше, чем все глубокомысленные изыскания о том, что это была за война, кого с кем и за что... Фашистский летчик-ас с одной стороны, а с другой — троица русских женщин трех поколений да к ним еще лошадь, корова и телега – все они также женского рода... Ни большевиков, ни комсомольцев, ни красноармейцев – никого: только заснеженное поле да это передвигающееся на телеге бездомное и беззащитное семейство...

Замечательно и то, что в книгу вошли и воспоминания новаторов, как и Валентина Федоровна, переживших войну, – Льва Васильевича Андреева, Зои Васильевны Смирновой, Татьяны Николаевны Устиненко, Николая Ивановича Дьячкова, Анны Анисимовны Черкасовой (Раткевич), Маргариты Алексеевны Головицкой, Юлии Георгиевны Дьячковой-Букаревой, Руфины Николаевны Григорьевой, Бориса Васильевича Пименова, Татьяны Дмитриевны Романовой-Розовой, – так что книга получилась соборной, потому что писали её всем миром, как и страдали тоже вместе. И конечно, писали от имени тех, кого уже с нами нет...

Дорого мне и то, что в книге есть немало строк и о моем старшем друге и учителе – Михаиле Яковлевиче Гефтере. Сколько раз мы с ним разговаривали, чего только не касались в наших беседах,

но только не Торжка: для него это было незаканчивающимся Прошлым, а для меня Торжок – еще только Будущим, куда я попаду уже после того, как Гефтера не станет. Будь Михаил Яковлевич жив, уверен, у книги не было бы более благодарного читателя...

Книга Валентины Федоровны едва ли появится на прилавках книжных супермаркетов, тем более в Европе, потому что она не может соперничать с миллионными тиражами роскошных изданий о Гитлере, Геббельсе, Сталине и Берии, соперничать во всех смыслах, кроме одного: именно эта небольшая книжка воспоминаний человека, девочкой пережившей войну, – удерживает мир от краха, потому что, прочитав её, сто или двести жителей древнего русского города слезами укрепят свои сердца и утвердятся в том, что зло ни при каком условии не восторжествует над миром. Этого-то и боялся посланец дьявола — тот самый немецкий летчик-ас, на бреющем полете метивший в девочку, с которой встретился застывшим взглядом. Понимал: промахнись он – эта русская девочка никогда его не простит, пронесет через жизнь память о нем и, запечатлев в слове, оставит потомкам.

*Опубликовано в «Новоторжском вестнике»,
19 и 26 сентября 2003 г.*